

Научная статья

УДК 81:111 + 81'27

doi: 10.17223/1998863X/88/6

НОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ОНТОЛОГИЯ: ОТ СТРУКТУРЫ К АМССАБЛЯЖУ

Евгений Артурович Найман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия, enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема онтологии языка и предлагается радикальный пересмотр господствующей лингвистической модели «язык как структура». Подвергается критике структуралистская онтология, натурализирующая представление об автономных «языках» и подменяющая живое многообразие речевых практик абстрактными кодифицированными объектами. Преодолевается миф о «естественности» языка как фиксированной сущности – показано, что так называемые языки суть не изначально данные объекты, а процессы, укоренённые в конкретных ассамбляжах людей, артефактов и мест.

Ключевые слова: онтология языка, теория ассамбляжей, энактивизм, материальность языка, мультинатурализм, языковые практики, перформативность

Для цитирования: Найман Е.А. Новая языковая онтология: от структуры к амссабляжу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 51–66. doi: 10.17223/1998863X/88/6

Original article

A NEW LANGUAGE ONTOLOGY: FROM STRUCTURE TO ASSEMBLAGE

Evgeny Arturovich Naiman

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, enyman17@rambler.ru*

Abstract. The article addresses the problem of the ontology of language and proposes a radical reexamination of the dominant linguistic model of “language as structure.” The author critiques the structuralist ontology that naturalizes the notion of autonomous “languages” and substitutes the living diversity of speech practices with abstract, codified objects. As an alternative, a conceptual framework is presented in which language is understood as a processual, materially grounded practice existing within heterogeneous sociomaterial assemblages. The need is emphasized to abandon the monolithic “monoglossic” view and shift to a plural ontology of language that recognizes a pluriverse of coexisting linguistic realities. Methodologically, the research draws on a combination of contemporary ontological and linguistic approaches. It employs assemblage theory, which posits the heterogeneity and dynamism of social objects, as well as an enactivist approach in cognitive science, which emphasizes the embodied, ecological nature of cognition. Attention is paid to the material dimension of linguistic phenomena, and the principle of multinaturalism is applied, affirming the multiplicity of ontological perspectives. Furthermore, the author integrates the theory of performativity, C. Peirce's concept of the materiality of the sign, and an assemblage-enactivist model of communication. This

interdisciplinary synthesis provides a methodological foundation for a new perspective on language and communication. Applying this approach demonstrates that language emerges as a complex, heterogeneous ontological “assemblage.” It is not an autonomous system, but a dynamic network of interactions among bodily, material, and semiotic elements, in which meaning emerges through indexical, embodied, and medial operations. In this way, the myth of language’s “naturalness” as a fixed essence is overcome – showing that so-called “languages” are not given from the outset as static objects, but rather are processes rooted in concrete assemblages of people, artifacts, and places.

Keywords: ontology of language, assemblage theory, enactivism, materiality of language, multinaturalism, linguistic practices, performativity

For citation: Naiman, E.A. (2025) A new language ontology: from structure to assemblage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 51–67. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/6

В последние десятилетия в гуманитарном знании, включая лингвистику, назрел радикальный сдвиг, именуемый «онтологический поворот» (наиболее отчётливо выраженный в современной антропологии) и во многом сформированный под влиянием постструктуралистских и постгуманистических идей. На этом фоне традиционные структуралистские модели языка ещё более отчётливо демонстрируют свою ограниченность: они оказываются неспособны адекватно описывать динамику многоязычных сообществ, процесс гибридизации кодов в цифровых медиа, а также те новые перспективы, открываемые лингвистической антропологией с её вниманием к материальности, телесности и ситуативности языковых практик. Несмотря на свои исторические заслуги, структуралистская парадигма и её генеративистские последователи фактически натурализовали идею автономных «языков», подменив живую речевую деятельность конструкциями второго порядка – кодами, стандартами, «национальными языками». В результате доминирующее онтологическое допущение утвердило моногlossную картину мира, в рамках которой процессуальные языковые практики систематически подменяются кодифицированными объектами. Тем самым воспроизводится скрытая иерархия знания и маргинализируется множество альтернативных голосов и мировоззрений, исключаемых из области научного рассмотрения.

Осознавая ограниченность указанного подхода, настоящая статья предпринимает онтологический пересмотр модели «язык как структура» и предполагает альтернативную концептуальную рамку, в которой язык мыслится как процессуально-событийное образование, материально укоренённое и распределённое между телами, артефактами и средовыми клонфигурациями. В этой перспективе обосновывается отказ от реифицированной категории «язык» в пользу плюриверсума сосуществующих языковых онтологий. Основной тезис состоит в том, что язык следует рассматривать не как автономную сущность, а как динамический онтологический ассамбляж, где значение конституируется посредством индексальных, телесных и медиальных операций. Соответственно, языковые практики выступают фундаментальными мирозидующими актами, активно порождающими множественные реальности, а не просто отражающими заранее данный мир.

Предлагаемая реконцептуализация представляет новую теоретическую перспективу, основанную на междисциплинарном синтезе: теории перформативности (в русле идей Дж.Л. Остина и Дж. Батлер), пирсовской семиотики

материальности знака и ассамбляжно-энактивистских моделей коммуникации. На этой основе формируется интегративный подход, объединяющий онтологию и лингвистику. Авторский вклад состоит в разработке оригинального понятийного аппарата для анализа языка как практики, а также критическом пересмотре устоявшихся эпистемологических допущений. Тем самым работа не только деконструирует миф о «естественности» языка, но и закладывает методологические основания для изучения языковых практик первого порядка. В результате снимаются ограничения классической структуралистской схемы и заново очерчиваются горизонты ответственности лингвистики в контексте актуальных вызовов современного гуманитарного знания.

Отправной пункт настоящего рассуждения – критическое признание того, что укоренившаяся в научном и обыденном сознании модель языка как унифицированного и стабильного феномена исчерпала свой эвристический потенциал. Её длительная гегемония, сводя неисчислимо многообразие разнородных коммуникативных явлений к единой зонтичной номинации, не только чрезмерно упрощает, но и искажает действительность, загоня исследование в эпистемологический тупик. В ответ на это в лингвистике последних двух десятилетий формируется программа деконструкции указанного монолитного представления о языке. Перевод обсуждения в онтологический регистр позволяет рассматривать «язык» не как единую сингулярную сущность (а в многоязычных контекстах – не как её простое умножение), а как метатермин, скрывающий широкий спектр онтологически разнородных феноменов – артефактов, практик, режимов деятельности и форм социального бытия, нередко несводимых друг к другу и подчас взаимно несовместимых. В этой перспективе языковые практики предстают не только средствами коммуникации, но и фундаментальными актами мироположения, конституирующими и непрерывно воспроизводящими разнообразные языковые онтологии.

При всем том доминирующей онтологией в лингвистике последнего столетия остаётся представление о языке как структуре (объекте, системе). Данная онтологическая позиция, постулирующая язык как структурную, отделённую от мира сущность с собственными внутренними законами, легла в основу всей современной дисциплины. Язык как структура является не просто эпистемологическим инструментом, а онтологическим утверждением о его собственной природе и статусе среди прочих объектов. Однако важно развести уровни: структурализм был конкретной исследовательской эпистемологией, тогда как онтология «язык-как-структура» благополучно пережила и структуралистские, и генеративистские методологии. Именно это онтологическое допущение сделало возможной объективацию языка, его формализуемое и систематическое описание, обеспечив значительные достижения в каталогизации и граммаграфической обработке мировых языков. Однако одновременно оно закрепило образ «языков» как автономных, замкнутых, исчислимых и внутренне единообразных сущностей, исключив из рассмотрения их процессуальность, событийность и встроенность в материально-социальные практики.

Фактически сегодня сосуществуют две крупные языковые онтологии: «язык как структура» и «язык как практика» (А. Пенникук, И. Оцуджи). Причём практико-ориентированная перспектива радикально переворачивает при-

вычную лингвистическую логику: в классической модели языковые системы предшествуют употреблению, тогда как в онтология практики первичны именно коммуникативные действия и режимы взаимодействия, а «языки-структуры» оказываются лишь рефлексивными конструктами второго порядка. Тем самым лингвистика сближается с ключевыми социологическими и антропологическими традициями, где давно показано, что именно практики (будь то «структурация» Э. Гидденса или воспроизводство габитуса и полей П. Бурдьё) порождают структуры, а не наоборот.

Отсюда – переход к плюралистическому «онтологизму» языка, снимающему априорное допущение, будто, произнося слово «язык», мы неизбежно указываем на один и тот же объект. Вместе с тем здесь скрывается ещё одна методологическая опасность: сведённый к простой инвентаризации множеств, онтологический подход невольно реанимирует модернистскую схему, лишь подменяя «мир культур» «миром онтологий». В таком случае языковое и культурное разнообразие оказывается лишь набором «очков», сквозь которые различные сообщества рассматривают одну и ту же внеисторическую объективную реальность. Тем самым незаметно возвращается классический дуализм природы и культуры, в котором единая Природа постулируется как онтологическое основание, а различия сводятся лишь к совокупности субъективных интерпретаций.

На первый взгляд, подобная модель кажется прогрессивной, поскольку декларирует уважение к культурному многообразию. Однако при ближайшем рассмотрении она незримо воспроизводит иерархию: если признается единственная «подлинная» реальность, то одна из интерпретаций неизбежно возводится в ранг правильной, тогда как прочие попадают в разряд верований, перспектив или мировоззрений. Тем самым возрождается то, что С. Кастро-Гомес обозначил как «гордыня нулевой точки»: локально укоренённый режим знания выдаёт себя за внеисторическую норму, тогда как альтернативные онтологии автоматически квалифицируются как неполные, иррациональные или ошибочные. Предполагаемая альтернатива требует более радикального шага: культурные формы следует понимать не как конкурирующие истолкования одного и того же мира, а как рациональные реакции на различные миры, т.е. на разнокачественные онтологические условия их возникновения и поддержки.

Радикальный импульс к переосмыслению этой проблематики пришёл из антропологии. Исследования Э. Вивейруша де Кастру и их дальнейшее развитие у М. Педерсена и М. Хольбраада предложили переход от мультикультурализма к «мультинатурализму»: вместо множества перспектив на единую Природу – признание множественных сосуществующих реальностей. Если универсальная Природа – лишь локальная западная презумпция, то тезис об одном стабильном онтологическом основании перестаёт быть обязательным. В этой перспективе различия между, скажем, амазонским шаманом и европейским биологом коренятся не в культурных представлениях об одном и том же объекте, а в соотносённости с онтологически разными «ягуарами», принадлежащими различным мирам, сотканным из несоизмеримых систем отношений.

Переход к такой позиции начинается с готовности принимать альтернативные способы познания и бытия на их собственных основаниях. Вместо

привычного герменевтического вопроса о том, что «символизирует» некая вещь для той или иной группы людей, предполагается онтологический вопрос: чем эта вещь является в действительности, допуская принципиально иную природу объекта, предполагаемую нами. Речь идёт не о тривиальном релятивизме «у них свой взгляд на мир», а о наделении «иного» полноправным онтологическим статусом, признании его реальной альтернативой нашим мирам. Необходимо разграничить онтологии и культуры. Само выражение «культурное различие» уже предполагает презумпцию единственной Реальности, поверх которой якобы накладывается множество интерпретаций. Онтологический подход, напротив, исходит из множественности самих реальностей, производимых и поддерживаемых различными практиками, материальными режимами и формами совместного действия.

В этом контексте целесообразно вернуться к гипотезе лингвистической относительности. Её сильная, наиболее популярная версия наделяет «язык как систему» статусом автономного носителя уникального мироззрения, формирующую мыслительную ткань своих носителей. Уязвимость подобного тезиса – в методологическом скачке: от эмпирически правдоподобных влияний отдельных языковых параметров (род, вид, цветолексика, категориальные оппозиции) на когнитивные процессы к тотальному отождествлению языка как целостной структуры с культурой как целым. Возникает метафора «контейнер»: язык как герметичный сосуд, в котором «упакованы» знания и культурные ценности всего народа. Подобная эссенциализация неизбежно ведёт к экзотизации культур: их сложность упрощается до набора грамматик и словарей.

Более того, как показывают исследования, посвященные языковым идеологиям, в практиках сохранения языков такой подход оборачивается парадоксальными результатами: под лозунгом защиты «языковых прав» фактически маргинализуют право сообществ и отдельных носителей адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям. При этом языковые интересы ставятся выше интересов жизненного уклада. Примечательно, что именно вульгаризация и упрощение идей Б.Л. Уорфа до формулы «язык влияет на мышление» обескровила радикальный потенциал его проекта. При всех эмпирических уязвимостях Уорф нащупывал более глубокую траекторию – онто-эпистемологическую дестабилизацию западной модели реальности, допускающую множественность внутренне согласованных космологий вплоть до альтернативных базовых онтологий пространства и времени.

Онтологический ракурс отказывается от презумпции единственной реальности, которую Джон Лоу метко именуется «мир одного мира» (*one-world world*). Взамен единственного горизонта предполагается плюриверс сосуществующих и конкурирующих режимов реального. Принятие множественности не как гипотезы, а как факта неизбежно наводит на первоочередной вопрос: каким образом конституируются эти миры? В предлагаемой перспективе реальности перестают мыслиться внешними, статичными и автономными данностями; они понимаются как порождаемые и стабилизируемые практики. Конкретные перформансы, ритуалы и нарративы создают, фиксируют и поддерживают уникальные онтологии. М. Блейзер называет этот процесс «миросозиданием» (*worlding*) [1. С. 553]. Отсюда – ключевое следствие: практики обретают онтологический статус, выступая не средства-

ми интерпретации единственного «реального» мира, а механизмами его множественного производства.

Следовательно, ни одна практика не поддаётся адекватному описанию без учёта и оценки её мирозозидающих эффектов. Практики не образуют изолированных «пузырей» отдельных онтологий; они представляют собой взаимопроницаемые и разномасштабные нарративно-перформативные процессы, в которых действия и события вплетаются в повествовательные структуры (становятся «сюжетными»), а эти структуры, в свою очередь, обретают действенную силу и формируют реальность (становятся «перформативными») [1. Р. 552]. Предпосылки такого понимания укоренены в социологии знания. В классической работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966) показано, что общество производится в ходе человеческого взаимодействия путём хабиитуализации повторяющихся действий с последующей институализацией, превращающей их в нормативные порядки. Для новых поколений такие институты воспринимаются как внешняя, объективная и принудительная данность, хотя по происхождению они являются результатом коллективной деятельности. Решающую роль в этих процессах играет язык, обеспечивая объективацию и межпоколенческую передачу социального опыта, формирует систему общезначимых категорий и классификаций, структурирующих восприятие и интерпретацию мира. Согласно этой логике, всякий тип знания, вплоть до обыденного знания повседневности, возникает из социальных взаимодействий и поддерживается ими. Следовательно, язык не столько «отражает» реальность, сколько конституирует её, придавая ей устойчивость и кажущуюся естественность.

Таким образом, социология знания убедительно показывает: всякая «языковая онтология» по своей природе есть социальный конструкт. Однако признание этого обстоятельства никоим образом не обессиливает такие онтологии. Языки эмпирически и социально значимы для учащихся, преподавателей, политиков и исследователей; их статус соизмерим с такими категориями, как раса и гендер. Как подчёркивает С. Хаслангер, речь идёт не о биологических сущностях, а о человеческих артефактах; социальные факты реальны именно как социальные факты. Утверждая существование, скажем, французского языка, мы фиксируем не платоновский идеал и не нейробиологическую структуру, а устойчивую социальную реальность. Критическая социальная теория справедливо напоминает, что наиболее мощные силы современного мира – продукты конструирования. Следовательно, признание языков социальными, культурными и политическими конструктами, а не «природными данностями» не является жестом научного нигилизма. Напротив, оно задаёт исходные условия для более глубокого и методологически прозрачного анализа.

Действительно, языки не существуют как предзаданные платоновские сущности; они «изобретаются» в ходе сложных исторических процессов национального строительства, стандартизации и кодификации, институционализации образования и развития письменности. Однажды сконструированные, они приобретают огромную социальную силу: закрепляются в правовых нормах, образовательных стандартах, словарях и экзаменационных тестах и, что ещё важнее, в массовом сознании. Вера в «правильный» английский или «чистый» русский имеет вполне реальные последствия, воспроизводя соци-

альное неравенство и стигматизацию. Отсюда вытекает двойная исследовательская задача. С одной стороны, необходимо критически демистифицировать миф о «естественности» и «объективности» языков, выявляя их идеологические и политические предпосылки; с другой – анализировать механизмы функционирования этих конструктов в обществе и их влияние на жизненные траектории людей.

В современной лингвистике закрепилось понимание, что любая теория языка не только описывает свой предмет, но и сама неизбежно воспроизводит лежащие в её основании онтологические допущения о природе этого предмета. Наиболее влиятельной, глубоко натурализованной формой такой онтологизации остаётся конструирование языка в качестве автономного объекта. В рамках данной установки язык мыслится абстрактной, самодостаточной системой, допускающей множественные репрезентации в виде дискретных «языков», каждый из которых специфицируется конечным инвентарём элементов и правил (фонем, морфем, синтаксических правил), обеспечивающих носителям потенциально бесконечную продуктивность. С классической ясностью эту позицию выразил Ф. де Соссюр: язык был онтологически закреплён как абстракция, извлечённая из живого потока речи и, благодаря этому, подлежащая систематическому описанию. Тем самым, живая языковая практика была принесена в жертву научной объективности и системности – мощному акту методологического «насилия», без которого, впрочем, становление лингвистики как науки вряд ли была бы возможным.

Расхожая версия дисциплины, согласно которой структурализм был якобы преодолён когнитивно-генеративной революцией Н. Хомского, вводит в заблуждение, смешивая эпистемологию (набор аналитических процедур) с онтологией (базовое понимание того, что такое язык). Хомский действительно отверг ключевые установки дескриптивного структурализма (антиментализм, корпусоцентричность, набор «дистрибутивных» приёмов), но соссюровский онтологический фундамент не демонтировал, а, напротив, радикализовал и натурализовал. Перенеся центр тяжести из социального измерения в сферу индивидуальной психики, он предложил модель I-language – внутреннего, биологически детерминированного «языка», понимаемого как врождённый вычислительный механизм идеализированного индивида. Когнитивная революция с её метафорой мозга-компьютера лишь укрепила эту модель: язык трактуется как «программное обеспечение», работающее на «аппаратной платформе» мозга. Нормативным идеалом выступает универсальная грамматика – гипотетический врождённый набор принципов и параметров, положенных в основание всех человеческих языков. Тем самым трансформационно-генеративная школа оспорила лишь методологию классического структурализма, но не его онтологему: постулат «язык-как-система» был доведен до предела, получив статус врождённого, биологически универсального модуля.

Таким образом, лингвистика не просто описала, но и изобрела свой объект (тот самый «системный миф») и, совершив это, незаметно оказалась заложницей собственного изобретения. Возник порочный круг: модель языка как системы ретроспективно проецируется на практики речевого сообщества так, будто именно ею и оперируют участники коммуникации. Для прояснения ситуации полезно различать язык первого и второго порядка. Язык пер-

вого порядка – процессуальная, телесно и материально укоренённая реальность, непрерывно поддерживаемая и модифицируемая в потоке речевой деятельности; он коррелирует с понятиями *linguaging* и «языковые практики» и подчёркивает эмерджентный характер языкового становления. Язык второго порядка – идеализированная абстракция, искусственно извлечённая из этого потока и превращённая в объект описания. Методологическая трудность заключается в онтологической подмене: конструкт второго порядка принимается за первичный социальный феномен повседневной коммуникации, вследствие чего исследователь описывает не живую речь, а логически выстроенный производный объект и тем самым обнажает объяснительную ограниченность классической схемы.

Не выдерживает проверки и убеждение, будто онтология «язык-как-структура», герметизируя язык, обеспечивает исследователю благородную научную нейтральность и дистанцию от идеологических проблем. Напротив, такая онтология выступает мощным генератором языковых идеологий, которые, облачившись в мантию научности, формируют общественные представления и питают политические практики. Как убедительно показывает Д. Грэмлинг, сама процедура выделения дискретных «языков» в европейском контексте начинается уже в эпоху раннего Нового времени [2]. Начиная с конца XV в. языки целенаправленно «создаются» и формализуются посредством целого комплекса технологий: составления словарей, написания грамматик, разработки учебных материалов, кампаний по ликвидации неграмотности и инструментов государственной языковой политики. Важно подчеркнуть, что словари, грамматики и стандарты орфографии не были пассивными зеркалами наличной практики; это перформативные акты, активно конституирующие и онтологизирующие «язык» как исчислимый, стабильный и отчуждаемый объект.

Онтологизация языка в виде автономного объекта оказалась исключительно удобной для крупномасштабной политической инженерии. В колониальную эпоху стандартизированные языковые системы стали незаменимым инструментом имперского администрирования, позволяя упрощать управление обширными территориями и многомиллионным населением. С формированием национальных государств идентификация и кодификация «национальных языков» превратились в центральный механизм производства коллективной идентичности. Этот процесс и ныне поддерживается сетью институциональных практик: дискурсами «этнической сплочённости» под знаменем официального языка; легитимацией одних речевых практик ценой систематической маргинализации других; нормативной регламентацией школьного, судебного и медиадискурса; формированием канона «национальной» словесности. Теоретическим выражением этих практик выступает идеология одноязычия – представление о языке как самотождественной системе со стабильной грамматикой, якобы одинаково разделяемой всеми членами сообщества и потому ориентированной на длительную гомогенизацию речевого поведения.

Теория перформативности Дж. Батлер радикально и продуктивно переосмысляет языковую онтологию как социальную силу. Подобно тому как гендер у Батлер не предзаданная сущность, а эффект непрерывной, ритуализированной «цитации» норм, так и языковая «система» – не обнаруживаемый

«в природе» объект, а результат повторяющихся актов кодификации. Словари, грамматики, орфографические кодексы в таком понимании не описывают заранее данное; каждая словарная статья и каждое правило – это перформативное воспроизведение нормы, многократно ретранслируемое в школе, бюрократии, праве и академической экспертизе. Именно повтор придаёт этой сконструированной реальности вид естественности и самоочевидности: стабильный, кодифицированный «язык» не предшествует актам кодификации, а порождается ими. Тем самым перформативный подход снабжает концепт «миросозидание» Блейзера точным аналитическим инструментарием: посредством цитатного воспроизводства практик язык стабилизируется как объект, укореняется как социальная технология общения либо принимает иную онтологическую модальность в зависимости от режимов институциональной поддержки и колебаний нормативных матриц.

Ф. де Соссюр задал эссенциалистскую онтологию языка. Укоренённая в североатлантической эпистеме и выстроенная на материале родного французского, его модель была снабжена универсалистским притязанием и потому стала шаблоном описания для иных европейских языков, по мере распространения одновременно нормализуя и эссенциализируя собственно европейское понимание языкового феномена. Её теоретическое ядро – концепция билатерального знака (означающее/означаемое) и принцип произвольной связи формы и значения, которые закрепили приоритет символических функций элементов системы и оттеснили на периферию материальные параметры языковых форм и их эффекты в телесных и институциональных средах. Благодаря этой интеллектуальной преемственности соссюрский проект надолго канонизировал «дематериализацию» языка в качестве центральной установки структуралистской лингвистики и ее наследников: язык мыслится нематериальным, абстрактным носителем информации. Эта перспектива привела к искусственному отделению языка от контекста и воспроизвела более широкую оппозицию западной мысли – материальное/нематериальное, реальное/идеальное. Стремясь утвердиться в качестве respectable и «строгой» дисциплины, лингвистика последовательно исключила из своего анализа людей, историю, общество, культуру и политику, квалифицируя их как внешние по отношению к языку факторы.

В последние годы стремительное развитие получило направление, возвращающее материальное измерение в фокус лингвистического анализа. Материалистический подход настаивает на принципиальной нераздельности языка и материальности. Шанкар и Кавано предлагают сместить угол зрения с оппозиции «язык/материальность» на материальную природу самой языковой практики [3]. Исследовательский подход, известный как *language materiality*, переориентирует внимание с абстрактной «системы» на материально-семиотические сборки: тембр и голос, артикуляцию и дыхание, графическую трассу и носители фиксации, медиальные инфраструктуры, телесную координацию участников и режимы распределения внимания. В этом контексте письменность столь же вещественна, как и звучащая речь: слова, алфавиты, орфографические стандарты и тексты действуют не только в символическом, но и в визуальном, эмблематическом, иконическом регистрах, а следовательно, подлежат анализу как элементы материальных практик, конституирующих и поддерживающих языковую реальность.

Язык следует мыслить как воплощённый и неразрывно сопряжённый с телесностью феномен. Тем самым оспаривается логоцентрическая установка, систематически объявлявшая тело вторичным по отношению к языку: разум и коммуникация рассматриваются как функции целостного организма, распределённые между перцептивно-моторными, аффективными и когнитивными контурами. Показателен в этом отношении опыт глухих сообществ: в их онтологии телесность не «сопровождает» язык, а образует его носителя и условие возможности. Современная лингвистика жестовых языков убедительно демонстрирует, что редукция к моделям классической структурной лингвистики систематически занижает роль кинетических, пространственных и визуальных параметров.

В более широкой перспективе язык предстаёт встроенным в материальный мир и его артефактные инфраструктуры: лингвистически маркированные объекты и события – от граффити, татуировок и банкнот до вывесок и билбордов – локализованы в конкретных хронотопах и формируют «семиотические экосистемы» или практические узлы, где пересекаются траектории людей, мест, дискурсов и вещей (геосемиотический ракурс). Общий вывод здесь однозначен: языковой опыт реализуется исключительно через материально оформленные знаки. Тем самым пересматривается программа дематериализации языка и предлагается иная онтологическая расстановка акцентов: язык описывается не только как символическая система различий, но и как совокупность практик, укоренённых в телесных, медиальных и институциональных условиях производства, циркуляции и распознавания смысла. Сформировавшийся таким образом исследовательский подход получает наиболее последовательное развитие в лингвистической антропологии, находит широкую поддержку в социолингвистике и семиотике, а также интенсивно применяется в исследованиях образования и грамотности, где материальность устной и письменной речи становится самостоятельным предметом строгого анализа.

Ортега убедительно показывает, что неэссенциалистские онтологии выдвигают значение в центр анализа и трактуют связь формы со значением как мотивированную [4. Р. 70]. Отсюда следует принципиальный вывод: язык мыслится не вместилищем заранее данных смыслов, а практикой их конституирования. Говорящие мобилизуют доступные им репертуары – коды, регистры, жанры, медиальные ресурсы – сообразно целям и интересам, а выбор кода определяется его пригодностью для решения конкретной коммуникативной задачи. В этой перспективе решающую роль играет индексальность: именно индексальные эффекты фиксирует то, что ускользает от чистой денотации, а именно позиционирование участников, адресацию, режимы власти и ответственности. Ключевым становится вопрос не только о том, к чему высказывание отсылает, но и что оно делает в ситуации взаимодействия [5. Р. 575].

Через мотивированную сопряжённость формы и значения актуализируются языковые идеологии и идентичности; на первый план выходят способы, которыми высказывания индексируют статусы, границы и властные отношения. Этим объясняется размах исследований языковых идеологий, оказавших определяющее влияние на изучение многоязычия и предложивших продуктивные модели теоретизации социального неравенства, проявляющихся в

языковой политике и институциональных практиках, а также в расовых, классовых и гендерных стратегиях позиционирования. Указанный сдвиг обобщается формулой «язык как практика» [6]: язык понимается как совокупность социоматериальных действий, посредством которых значения производятся, циркулируют и закрепляются в социальных порядках.

В противовес сосюрсовскому сведению языка к абстрактной символической системе пирсовская семиотика не изолирует язык в особую сферу. Наряду с символом в развертывании опыта в знаковые формы на равных участвуют икона и индекс, что вновь соединяет «чувство, ощущение, опыт и концептуализацию знаков» [7. Р. 32]. При этом принципиально важно учитывать ещё одно звено пирсовского анализа – происхождение знаков, описываемое модусами *firstness*, *secondness* и *thirdness*. Речь не о последовательных этапах, а о сопричастующих модальностях семиозиса: *firstness* фиксирует качественность и возможность, *secondness* – столкновение, сопротивление и факт действия, *thirdness* – правило и привычку. В совокупности они показывают, каким образом материальные и чувственные качества, телесные взаимодействия и нормативные опосредования совместно производят знаковость, тем самым надёжно укореняя язык в практиках и средах его осуществления.

Пирсовская триада категорий задаёт строгую внутреннюю архитектонику семиозиса. Без *firstness* исчезает чувственная основа знака; без *secondness* утрачивается его вещественный субстрат; без *thirdness* невозможны устойчивые значения и контексты. Отсюда следует важнейший тезис: знаковость немислима без материальности. Всякий знак всегда укоренён в конкретном носителе – чернилах и бумаге, голосе и тембре, цвете и фактуре, жесте и артикуляции – и именно через эту укоренённость приобретает силу означивания. Следовательно, язык нельзя отделять от материального и чувственного измерений. Слово – не только символическая единица, но и звуковая длительность, ритм и графема, моторика и дыхание, т.е. действие, выполняемое телом в медиальной среде. В материальных качествах языка концентрируется его энергетика и социальная действенность, особенно наглядная в поэзии, ритуале и песне. Тем самым пирсовская схема демонтирует иллюзию «дематериализованного» языка и возвращает исследование к исходному принципу: языковая форма всегда телесна, ситуативна и неизбежно подлежит социальной интерпретации.

В этом свете материалистический подход рассматривает язык не просто как мультимодальный феномен, но как компонент динамичных социоматериальных ансамблей. Языковую деятельность невозможно адекватно мыслить вне «нечеловеческих» соучастников – животных, артефактов, технологий, инфраструктур и физических сред. То, что можно обозначить как «лингвизация» практик, есть координация спектра телесных и внетелесных ресурсов, собираемых в уникальные события взаимодействия; материальность языка выступает частным случаем материальности всего ансамбля. Такие ансамбли – сплетения людей, вещей и сред – функционируют как катализаторы коммуникации, в которых значения не только циркулируют, но и производятся, стабилизируются и получают онтологическую опору.

В последние десятилетия объективистский взгляд на язык как на структуру ощутимо вытесняет онтологическая перспектива языка как ассамбляжа (*assemblage*). В её фокусе – медиально и технологически опосредованные

формы языковой деятельности: языки и письменности предстают не самодовлеющими системами, а потоками семиозиса и узлами инфраструктур. Этот подход, сложившийся в русле современной социальной теории и артикулированный постгуманистским «новым материализмом», наследует интуициям Ж. Делёза и Ф. Гваттари и развёртывается в работах Дж. Беннетта и М. Деланды. В таком регистре язык мыслится как динамичная, гетерогенная и продуктивная сила, чья онтологическая единица – не «код», а собрание разнородных акторов, медиумов и практик.

Ассамбляжная перспектива отвечает на давнюю методологическую апорию: ни один участник коммуникации не сталкивается с «языком целиком». Эмпирически даны лишь конструкции – элементы и их комбинации, но не тотальность системы. Утверждение о существовании языка как завершённого целого есть абстракция, выходящая за пределы человеческого опыта: никто не «знает» всего языка, потому что никому не требуются все его потенциальные ресурсы. Классическая лингвистика обходила это, смещая внимание на идиолект как «внутренний язык» индивида (фактический набор грамматических, лексических и фонологических средств, локализованный в голове носителя); тем самым внешняя языковая действительность редуцировалась к производной абстракции, а личность онтологически становилась первичным носителем языкового порядка. Такой ход воспроизводит методологический индивидуализм, укоренённый в либеральной презумпции автономной агентности, и вступает в конфликты с социально ориентированными моделями языка.

Предлагаемая альтернатива снимает дихотомию «индивидуальное/социальное». Агентность мыслится как распределённая по онтологически пёстро-му полю и возникающая из взаимодействий людей, артефактов и инфраструктур; «владение языком» заменяется идеей совместно достигаемой, социоматериально распределённой деятельности. Соответственно, аналитический акцент переносится с внутренних когнитивных компетенций на конфигурации доступных affordances – сетей, инструментов, носителей, образовательных и правовых режимов. Так, многоязычные репертуары указывают прежде всего на расширенный доступ к внешним ресурсам и режимам циркуляции знаков, а не на исключительно «внутренние» способности индивида. Именно в этом смысле язык как ассамбляж проявляет свою объяснительную силу: он делает видимыми реальные механизмы производства, стабилизации и перераспределения языковых практик.

Ассамбляж уместно понимать, как множественность гетерогенных элементов, на определённое время сведённых в операционально целостную конфигурацию. Его отличительный признак – продуктивность (генеративность): такие сборки не просто репрезентируют действительность, но и порождают новые режимы поведения. Применение такой перспективы к языку означает отказ от идеи предзаданной «системы» и признание непрерывного процесса собирания, в ходе которого вербальные, телесные, материальные и технологические компоненты координируются в подвижные композиции ради решения конкретных социальных задач. Тем самым аналитический фокус смещается с уровня абстрактной структуры на уровень социоматериальных комплексов, где производство и циркуляция значения зависят от состава, сборки и способов её пространственно-временной организации.

Ключевое достоинство ассамбляжного подхода – его онтологическая гибкость, снимающая необходимость жёстких демаркаций. Во-первых, размываются границы между «языками»: в реальном общении люди не переключаются между герметичными кодами, а мобилизуют целостные репертуары, порождая гибридные, трансязыковые практики, что признаётся нормой языкового существования. Во-вторых, переопределяются границы собственно «лингвистического»: язык перестаёт сводиться к лексике и грамматике и мыслится как ансамбль жестов, интонаций, мимики (воплощённость), а также материальных сред, артефактов, пространственных архитектур и цифровых интерфейсов (распределённость). В этой перспективе язык предстаёт динамичным, открытым, имманентным миру феноменом: он не предшествует социальному действию и не существует вне его, а возникает внутри него и посредством него. Следовательно, задача исследования – не поиск предзаданных систем, а анализ практик, в которых и посредством которых «язык» собирается, стабилизируется и проявляет свою действенность.

Акцент на социоматериальных связях и сопряжённости человеческого и нечеловеческого, задаваемый ассамбляжной перспективой, принципиально созвучен мировоззрениям коренных народов. Сквозной мотив автохтонных традиций – неразрывная связь языка с землёй и шире – с нечеловеческим миром, – получает здесь строгую аналитическую артикуляцию: материалистический фокус ассамбляжа позволяет выявить конкретные способы связи языка с ландшафтом, водными режимами и экосистемами. Во многих коренных сообществах язык неразрывно связан с тем, что в австралийской традиции именуется Страной (Country) – не территорией и не местом, а целостной живой системой, включающей горы, леса, водные объекты (моря, реки, источники), животных, а также ветер, духов и самих людей. В рамках такой онтологии язык прежде всего принадлежит Стране: он исходит из неё, озвучивая её голосом. И именно это радикальное расхождение с западной моделью языка как автономной структуры объясняет слабую эффективность значительной части проектов по возрождению языков, опирающихся на эту модель. Игнорирование онтологической укоренённости языков в связях со Страной приводит к тому, что ревитализация сводится к кодификации и обучению формальным нормам, тогда как для самих носителей первостепенным является восстановление живых связей в ассамбляже «люди – места – существа – истории», из которого и возникает язык.

Теория ассамбляжа обнаруживает глубокое родство с энактивистским подходом в когнитивной науке, разработанным Ф. Варелой, Э. Томпсоном и Э. Рош. Энактивизм предлагает радикальную альтернативу репрезентационизму и вычислительным метафорам разума. Познание мыслится как «воплощающее порождение» мира значений через динамическое телесное взаимодействие организма со средой. При этом организм и среда не образуют две независимые субстанции: они находятся в состоянии структурной взаимосвязи и коэволюции, взаимно конституируя друг друга. Из этой перспективы получает когнитивно-биологическое обоснование и концепция языкотворчества: язык не хранится как замкнутая система «внутри головы», а возникает как процесс совместного действия – фундаментальный механизм, посредством которого живые системы, взаимодействуя друг с другом и с окружением, совместно воплощают общий мир значений.

Языкотворчество (linguaging) сегодня закрепилось как зонтичное понятие, объединяющее широкий спектр теорий, стремящихся охватить реальную сложность языкового поведения, выходящую за пределы изолированных «кодов». В противовес представлению о языке как замкнутой системе выдвигается концепция динамических, идиосинкразических репертуаров, которые носители ситуативно мобилизуют в ходе взаимодействия. Эта онтология настаивает на материально укоренённом характере языка и принципиально отказывается локализовать его исключительно в сфере разума. Продолжая линию интегративной лингвистики, подход трактует понимание как производное прожитого опыта: «...языкотворчество приписывает понимание прожитому культурному опыту. Оно связывает верования, ритуалы, технологии, институты, практики и многое другое» [8. Р. 3]. В этой перспективе ежедневная речевая деятельность предстаёт как непрерывное созидание: участники сознательно или неявно пересекают воображаемые границы «языков», признавая эфемерность и проницаемость кодов. Тем самым в единое поле собираются родственные концепции – транслингвизм, полилингвизм, метролингвизм, гетероглоссия, гибридность, – которые при всех различиях сходно онтологизируют язык как процесс распределённого смыслопорождения. Смещение оптики с абстрактных систем на практики позволяет по-новому увидеть многоязычие: в реальном общении люди не «переключаются» между герметичными кодами, а действуют целостным репертуаром, формируя гибридные, трансязыковые конфигурации. Этот поворот сближает лингвистику с антропологией, исследованиями технологий и когнитивной наукой и открывает диалог с онтологиями коренных народов, где язык укоренён в отношениях с нечеловеческим миром и «принадлежит» не только людям, но и самому месту, из которого ландшафт как бы «обращается» к человеку.

Из такой онтологизации вытекают три класса следствий. Во-первых, методологические, требуется многоуровневая фиксация практик: сочетание этнографии взаимодействия с мультимодальным анализом, трассировка акустико-графемных следов, учёт медиальных и инфраструктурных условий, а также применение вычислительных методов, позволяющих операционализировать индексальность и динамику сборок. Во-вторых, политико-педагогические, фокус следует смещать от стандартизации к поддержке экосистемных практик: межпоколенческой передачи, участия в жизни сообщества, привязанности к месту; образовательные и цифровые среды должны проектироваться не как механизмы усвоения норм, а как площадки совместного смыслопорождения. И, в-третьих, технологические: необходим анализ индексальных эффектов интерфейсов и алгоритмов, чтобы не воспроизводить идеологию одноязычия в новой, цифровой оболочке.

Таким образом, представляется обоснованным рассматривать язык не как фиксированную субстанцию, но как процессуальное, материально укоренённое и ассамбляжное явление. Возврат к практикам первого порядка, признание перформативной силы кодификаций, а также принятие онтологической множественности языковых реальностей позволяют преодолеть методологические ограничения классической эпистемологической схемы и существенно пересмотреть горизонты ответственности лингвистики. В этом контексте ассамбляж может быть интерпретирован в качестве метатеоретической рамки, способной объяснить генезис двух других онтологических пер-

спектив. Так, «язык как объект» предстает результатом глубокой ретерриториализации, в ходе которой государственные институты, образовательные практики и нормативная грамматическая традиция захватывают продуктивные потоки языкового становления, стабилизируя их в форме жесткой, объектоподобной конструкции.

В противоположность этому «языкотворчество как практика» акцентирует внимание на самих детерриториализующих потоках – динамике становления, изобретения и языковой продуктивности, ускользающих от окончательной институционализации. Следовательно, все три онтологии языка – не просто альтернативные аналитические модели, но выражение различных состояний или тенденций лингвистического ассамбляжа. Их соотнесение позволяет мыслить стабильность (объектность) и текучесть (практику) как полюса единого, динамически организованного процесса. По существу, такая перспектива открывает путь к формированию единой, плюралистически ориентированной теории множественных реальностей языка и задаёт принципиально новую парадигму для развития современной лингвистической мысли – более рефлексивную, чувствительную к материальности и социальной онтологии языка, а также способную учитывать контингентность и сложность языковых феноменов.

Список источников

1. Blaser M. Ontological conflicts and the stories of peoples in spite of Europe: toward a conversation on political ontology // *Current Anthropology*. 2013. Vol. 54, № 5. P. 547–568.
2. Gramling D. *The Invention of Monolingualism*. New York : Bloomsbury Academic, 2016.
3. Shankar S. Toward a theory of language materiality: an introduction // *Language and Materiality: Ethnographic and Theoretical Explorations* / eds. J. Cavanaugh, S. Shankar. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 1–28.
4. Ortega L. Ontologies of language, second language acquisition and world Englishes // *World Englishes*. 2018. Vol. 37, № 1. P. 64–79.
5. Harkness N. The pragmatics of qualia in practices // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. P. 573–589.
6. Demuro E., Gurney L. Languages/languageing as world-making: The ontological bases of language // *Language and Communication*. 2021. Vol. 83. P. 1–13.
7. Merrell F. Charles Sanders Peirce's concept of the sign // *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics* – London. New York : Routledge, 2001. P. 23–36.
8. Cowley S.J. The Return of Languageing: toward a new ecolinguistics // *Chinese Semiotic Studies*. 2019. Vol. 15, № 4. P. 1–28.

References

1. Blaser, M. (2013) Ontological conflicts and the stories of peoples in spite of Europe: toward a conversation on political ontology. *Current Anthropology*. 54(5). pp. 547–568.
2. Gramling, D. (2016) *The Invention of Monolingualism*. New York: Bloomsbury Academic.
3. Shankar, S. (2017) Toward a theory of language materiality: an introduction. In: Cavanaugh, J. & Shankar, S. (eds) *Language and Materiality: Ethnographic and Theoretical Explorations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–28.
4. Ortega, L. (2018) Ontologies of language, second language acquisition and world Englishes. *World Englishes*. 37(1). pp. 64–79.
5. Harkness, N. (2015) The pragmatics of qualia in practices. *Annual Review of Anthropology*. 44. pp. 573–589.
6. Demuro, E. & Gurney, L. (2021) Languages/languageing as world-making: The ontological bases of language. *Language and Communication*. 83. pp. 1–13.
7. Merrell, F. (2001) Charles Sanders Peirce's concept of the sign. In: *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*. London; New York: Routledge. pp. 23–36.

8. Cowley, S.J. (2019) The Return of Linguaging: toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*. 15(4). pp. 1–28.

Сведение об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Naiman E.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 20.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*